

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1353–1367, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1353-1367

Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в.

Анна Владимировна Дыбо¹, Вера Сергеевна Мальцева²

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет, лаборатория лингвистической антропологии (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом урало-алтайских языков

 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-5634-6583. E-mail: vmaltseva@iling-ran.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дыбо А. В., Мальцева В. С., 2021

Аннотация. Цель статьи — продемонстрировать некоторые новые результаты, полученные при работе над составлением Диалектологического атласа тюркских языков России и над электронным корпусом хакасского языка. При подготовке атласа авторский коллектив, кроме уже имеющихся опубликованных и архивных источников, использует целенаправленный полевой сбор материала по специально составленным анкетам, ориентированным на известные факты из истории тюркских языков. Оказывается, что сбор материалов, основанный на исторически ориентированных диалектологических анкетах, помогает получить данные, опираясь на которые можно уточнить научные представления о генеалогической классификации диалектов, путях их расхождения и конвергенции, архаических и инновационных явлениях в обследуемых ареалах. Включение в рассмотрение всех материалов, и полевых, и архивных, позволяет проводить микродиалектные исследования по распространению тех или иных языковых явлений в говорах в различные периоды времени и строить обоснованные гипотезы относительно причин изменений. В данной статье рассмотрены одно фонетическое и одно морфологическое явление в диалектах хакасского языка на двух временных срезах, конца XIX в. по архивным данным и в современном состоянии по собственным полевым данным. Показан сдвиг изоглосс и высказаны гипотезы о причинах изменений в языке.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, хакасский язык, ареалогия, сравнительно-историческая фонетика, историческая морфология

Благодарность. Работа выполнена по проектам «Языковое и этнокультурное разнообразие южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014): сбор материала; РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России»: картографическая обработка. Авторы выражают благодарность также всем информантам и коллегам, помогавшим при сборе диалектологического материала.

Для цитирования: Дыбо А. В., Мальцева В. С. Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1353–1367. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1353-1367

Khakas Dialects, Late 19th and Early 21st Centuries

Anna V. Dybo¹, Vera S. Maltseva²

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation); Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation); Tomsk State University, Laboratory of Linguistic Anthropology (33, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation) Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Ural-Altaic Department 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (33, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation) Junior Research Associate 0000-0002-5634-6583. E-mail: vmaltseva@iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dybo A. V., Maltseva V. S., 2021

Abstract. The main *aim* of this article is to demonstrate some new results obtained when working on the Dialectological Atlas of the Turkic languages of Russia and the Electronic Corpus of Khakas. *Material and methods.* While preparing the Atlas, in addition to the already available published and archival sources, the team of authors is collecting field material using specially compiled questionnaires focused on some facts from the history of the Turkic languages. *Results and conclusions.* The study shows that the collection of materials based on historically oriented dialectological questionnaires helps obtain data that sheds additional light on the genealogical classification of the dialects, the ways in which they diverge and converge, as well as on archaic and innovative phenomena in the areas under study. Also, considering of all materials, both field and archival, allows conducting micro diachronic studies on the spread of linguistic phenomena in the dialects at different periods of time and building well-founded hypotheses on the causes of changes. In the current paper one phonetic and one morphological feature of the Khakas dialects are compared, being described in the end of the XIX century (based on the archival data) and nowadays (according to our field recordings). We show the shift of their isoglosses and discuss why the language has changed.

Keywords: Turkic languages, dialectology, the Khakass language, areal linguistics, dialectal continuum, historical phonetics and morphology

Acknowledgements. The reported study was granted by Government of Russia, project no. 14.Y26.31.0014 ‘Language and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures’ (data collection), and co-funded by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00501 ‘Creating a Digital Dialect Atlas of Russia’s Turkic Languages’ (mapping). The authors also extend gratitude to all informants and colleagues to have helped collect dialect materials.

For citation: Dybo A. V., Maltseva V. S. Khakas Dialects, Late 19th and Early 21st Centuries. *Oriental Studies*. 2021; 14(6): 1353–1367. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1353-1367

Введение

В 2020–2021 г. Электронный корпус хакасского языка (<https://khakas.altaiica.ru/>), пополнился текстами из издания [Катанов 1907a] — экспедиционными материалами Н. Ф. Катанова, собранными им в ходе поездок по Минусинскому краю в 1889–1892 гг., а также в более ранние годы. В них отражается речь, фольклор, обычаи представителей различных этнических подгрупп абаканских татар — народа, который сейчас называется хакасами. Тексты введены в корпус в оригинальном написании и в современной хакасской орфографии с сохранением диалектных черт.

В этом же, 2021, году был завершен сбор материала по проекту создания атласа хакасских диалектов в их современном состоянии. Экспедиции в Хакасию проводились с 2015 по 2021 г. (с вынужденным перерывом в 2020 г.), с опросом жителей по возможности из всех населенных пунктов, где проживают носители хакасского языка, за исключением городов и крупных сел-райцентров. В ходе экспедиций были собраны записи оригинальных текстов и проведен целенаправленный опрос по диагностической анкете для данного ареала (см. [Дыбо и др. 2020]).

Благодаря завершению сбора материала по современному состоянию языка, с одной стороны, и завершению перевода печатного материала Н. Ф. Катанова в цифровой формат, с другой стороны, мы можем сравнивать языковые особенности современных и прежних хакасских говоров и места расположения характеризующих их изоглосс.

Н. Ф. Катанов путешествовал по центральной части мест обитания хакасов (абаканских татар): по Минусинской котловине, вдоль р. Абакан от ее устья (на севере) до впадения р. Таштып (на юге). Благодаря указаниям Н. Ф. Катанова о расположении на местности тех поселений, в которых он проводил опросы, а также мест проживания / происхождения информантов, мы можем обозначить их на современной карте с большей или меньшей точностью, достаточной для наших целей.

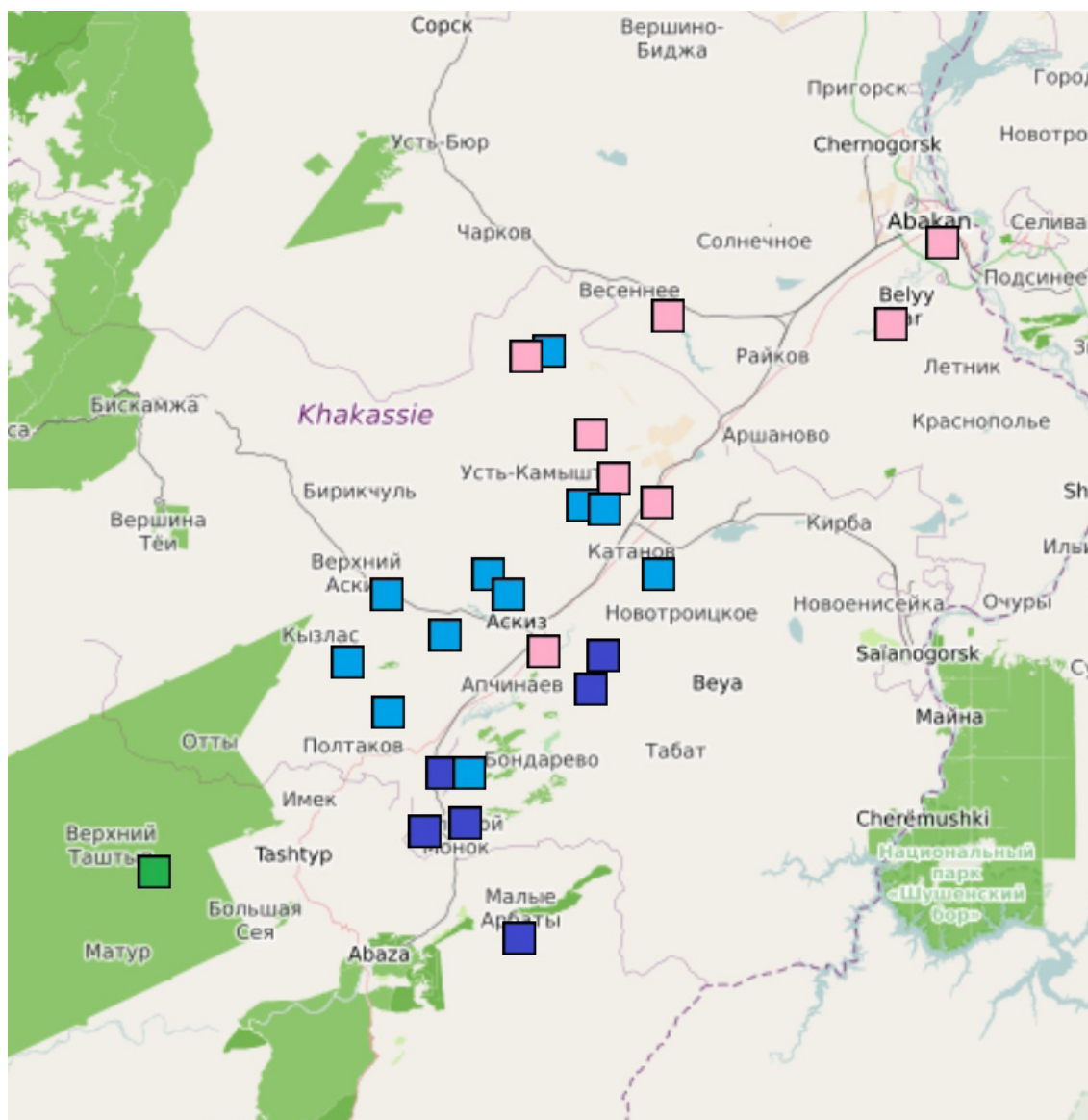
Все тексты переведены Н. Ф. Катановым на русский язык и изданы отдельной книгой [Катанов 1907б]. При вводе текстов в корпус хакасского языка переводы были пофразово поставлены в параллель с оригинальным текстом так, чтобы предложению оригинального текста соответствовало предложение-перевод на русском языке. Мы привели русские переводы в соответствие с нормами современной русской орфографии и пунктуации.

Нельзя не отметить тщательность, с которой учёный фиксировал информацию о месте и времени записи текстов, а также об их рассказчиках (т. е. метаданные). При каждом тексте данного издания есть пометы о его диалекте (приписка в оглавлении) и авторстве (число в конце текста, соответствующее номеру информанта). Последнее ссылается к сведениям об информантах, приведенным в конце раздела. Эти сведения довольно подробные: указаны не только имена информантов, но и родовая принадлежность (сеок), место жительства, возраст, род занятий, владение грамотой и другая информация.

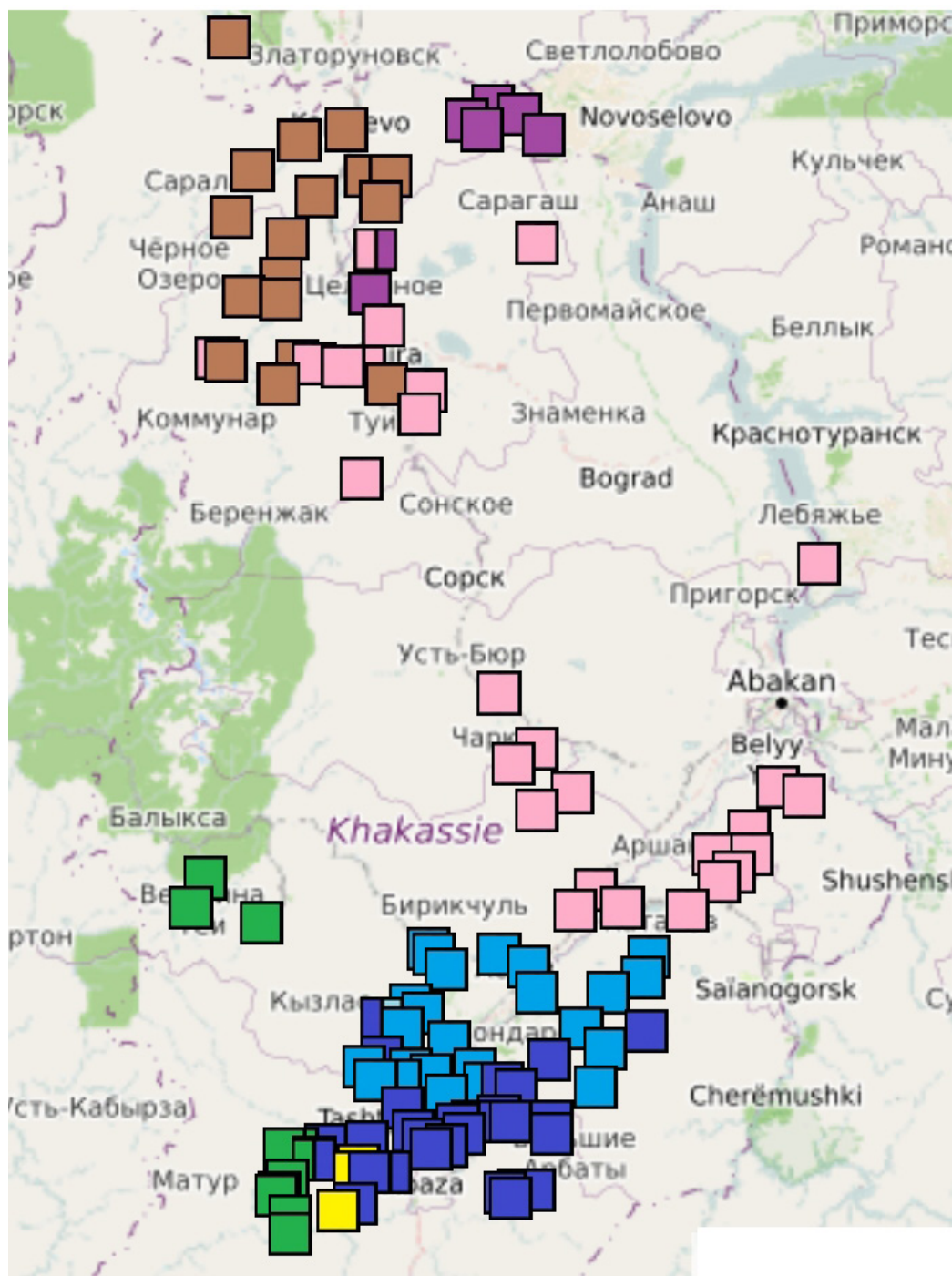
Н. Ф. Катанов определяет диалект информанта по его сеоку, а не по лингвистическим данным. В абаканском наречии Н. Ф. Катанов выделяет 4 диалекта: сагайский, бельтырский, качинский, койбальский. В предисловии он отмечает: «горные бельтиры и сагайцы говорят несколько отлучно от степных и очень близко к шорцам» [Катанов 1907б: IV, совр. орф.].

В дальнейшем, правда, эта информация никак не используется в диалектных пометах. В настоящее время бельтырский и койбальский считаются говорами сагайского диалекта. Койбальское наречие у Н. Ф. Катанова представлено тремя небольшими текстами от одной информантки (тексты №№ 128, 239, 240 II отдела [Катанов 1907а: 280–283, 316–317, Катанов 1907б: 252–254, 289–291]) и не обнаруживает отличий от сагайского.

В хакасском языке имеются также кызыльский и шорский диалекты. Наречие кызыльцев у Н. Ф. Катанова не представлено и не комментируется. Кызыльский материал представлен в записях В. В. Радлова [Рад-

Карта 1. Места проживания информантов Н. Ф. Катанова с распределением по диалектам (обозначения на карте: розовый — качинцы, голубой — сагайцы и койбалы, зеленый — шорцы, синий — бельтыры)
 [Fig. 1. Map. Places of residence of Katanov's informants by dialect (nomenclature: pink — Khaas, blue — Sagay and Koibal, green — Shor, dark blue — Beltyr)]

Карта 2. Современные хакасские диалекты (обозначения на карте: коричневый — кызыльский, розовый — качинский, пурпурный — староийусский говор качинского, голубой — сагайский и койбальский, зеленый — шорский, синий — бельтырский, желтый — таштыпский)
 [Fig. 2. Map. Modern Khakas dialects (nomenclature: brown — Kyzyl, pink — Khaas, magenta — Old Iyus subdialect of Khaas, blue — Sagay and Koibal, green — Shor, dark blue — Beltyr, yellow — Tashtyp)]

лов 1868], как и тексты по чулымскому диалекту кюэрик, ныне исчезнувшему; пока эти тексты не обработаны нами для корпуса.

Шорский диалект хакасского языка, вероятно, еще не сложился к началу XX в. Это видно по текстам №№ 275–278 второго отдела у Н. Ф. Катанова [Катанов 1907а: 330–339, Катанов 1907б: 303–313], записанным от выходца из с. Анчул в верховьях р. Таштыпа (52,8085 с.ш., 89,482 в.д. по картам Яндексa). Сейчас в этой местности разговаривают на шорском диалекте хакасского языка, во времена Н. Ф. Катанова данное наречие было ближе к шорскому языку (см. об этом подробнее в [Мальцева 2021]).

1. «Качинское чередование» в материалах Н. Ф. Катанова и в современных говорах

В наших данных качинский диалект представлен двумя группами говоров. Центральный вариант (южный, абаканский говор в [Диалекты 1973: 8]) распространен на той же территории, что и во времена Н. Ф. Катанова, но количество информантов сильно уменьшилось. В силу того, что жители данной местности в основном переселились в города (Абакан, Черногорск, Усть-Абакан), обрусели или перешли на литературный язык, носителей диалекта там почти не осталось.

Северный вариант качинского представлен в аалах Ширинаского и Орджоникидзево-ского районов (Трошкин, М. Спирин, М. Кобежинов, Монастырево, Новомарьясово и др., белоиусский и староиусский говоры в [Диалекты 1973: 8]). Качинцы не являются исконными жителями этих мест, они переселились сюда из центральной части Хакасии (см. карту в [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: форзац], отражающую предвоенное состояние). Северные качинские говоры отличаются большей сохранностью, чем центральные, однако в них встречаются черты, сформировавшиеся под влиянием носителей кызыльского диалекта, исконных обитателей данной местности.

Таким образом, мы можем проследить во времени изменения качинского, сагайского и бельтырского наречий, их границ и языковых особенностей. В данной статье мы рассмотрим подробно, как изменялись два языковых явления, различающие хакасские диалекты.

Первое из них относится к области морфонологии / исторической фонетики и представлено только в качинском диалекте. В центральных диалектах хакасского языка (т. е. во всех говорах качинского и сагайского диалектов) праобщетюркские *č, *š перешли в s¹: *čik ‘выходи’ > siχ (орф. сых), *sa:č ‘волос’ > sas (орф. сас), *baš ‘голова’ > pas (орф. пас). Однако если рефлекс *č на конце морфемы стоит перед гласной аффикса, т. е. находится в интервокальной позиции (см.: [Dybo et al. 2019: 38]), в качинском диалекте сохраняется шипящий характер звука, [ε] (ш) или [tε] (ч), в зависимости от говора (аффриката — в староиусском). В результате в качинском словоизменении наблюдается чередование фонем /s/ (автоматически озвончающейся в [z] в интервокальной позиции) ~ /tε/ (/ε/). Ср., например, формы глагола ic (*ič) ‘пить’: кач. эс ‘пей’, эскен ‘выпил’, эсер / этер (орф. ичер)² ‘будет пить’ — саг., бельт. эс ‘пей’, эскен ‘выпил’, эзер (орф. изер) ‘будет пить’. В заднерядной основе: ср. формы принадлежности 1-го лица лексемы агас (*aγač) ‘дерево’: кач. aγačim / aγateim (орф. агачым) ‘мое дерево’, саг., бельт. aγazim (орф. агазым) ‘мое дерево’. Согласно нашим данным, в северных качинских говорах эта черта сохранилась хорошо, а в центральных постепенно утрачивается. Наиболее явно наблюдаемый тип с частично утраченным чередованием: в словоформах с исконно задним рядом гласных чередование утрачивается, в переднерядных сохраняется. Примеры: аал Чаптыков, информант С. Д.(70+)³: задний ряд sazim ‘мой волос’, aγazim ‘мое дерево’, aza:m ‘открою’ — чередования нет; перед-

¹ Здесь изложение несколько упрощено; мы не будем обсуждать сохранение в этих диалектах специфических рефлексов аффрикаты внутри синхронно нечленимой основы в интервокальной позиции, см. предварительное описание этого явления в [Dybo 2015: 17–18; Pritsak 1959: 608].

² В хакасской орфографии буква ш используется только для передачи русских заимствований. Звук хакасского языка, близкий к русскому ш, записывается буквой ч, поскольку между звуками [ε] и [tε] ни в одном из хакасских диалектов нет фонологической оппозиции.

³ Здесь и далее в скобках после инициалов информанта приводится приблизительный его возраст.

ний ряд *ɣze:m* ‘выпью’ — чередование есть; аал Усть-Бюр, информант В. С. (70+): *ɣaɣim* ‘мой волос’, *ɣze:m* ‘выпью’ — чередование во всех основах; информант Ю. С. (50+): *aɣa:m* ‘открою’, *ɣeɣe:m* ‘выпью’, *ɣeɣr* ‘выпив’ — чередование только в основах переднего ряда. Так что по данному признаку постепенно происходит размывание границы между качинским и сагайским диалектами в центральной зоне.

В материалах Н. Ф. Катанова чередование во всех качинских текстах¹ представлено в сохранном виде. В принципе возможно, что в улусе, расположенном на месте современного аала Капчалы (на 15 верст выше устья Уйбата, записано в Арыкове; тексты №№ 307–309 II отдела) и в улусе Тураков (совр. аал Катанов; тексты №№ 3–6, 15, 20, 21, 22, 60, 61, 137, 145, 157–160, 252, 286, 321–329 I отдела²) представлена система с чередованием только в мягкорядных основах: примеров на заднерядные, с чередованием или без, в этих текстах не встречено. В большинстве сагайских текстов чередование отсутствует. Есть несколько случаев, когда в явно сагайских текстах представлены отдельные примеры с чередованием. Это, во-первых, случаи в текстах из Аппакова (~ современный аал Полтаков), где при регулярном отсутствии чередования встретились формы глагола *хачыр* ‘гнать’ (каузатива от основы *хас* ‘убеждать’): *качыр-чā* (наст. время), *качырын* (деепричастие) (текст № 306 II отдела [Катанов 1907а: 380–381]). Очевидно, что эти формы не следует принимать во внимание при рассмотрении чередования, поскольку и в настоящее время для глагола *хачыр* фик-

сируется общехакасское распространение; основа утерьяла синхронную производность и ведет себя как непроезводная двусложная, см. сноску 1 выше. Во-вторых, релевантные примеры с чередованием встречаются у сагайцев, живущих в улусах Усть-Есь (при 16 примерах без чередования 2 случая *ičäplär* ‘будут пить’ (от *ič* ‘пить’) — текст № 282 II отдела [Катанов 1907а: 354]), Аппаков (~ современный аал Полтаков; 21 пример без чередования, 2 случая *ičär* ‘будет пить’ — тексты №№ 299, 303 II отдела [Катанов 1907а: 369, 377]), Олтоков (~ современный аал Верх-Аскиз; 44 примера без чередования, 1 написание *ičin* ‘пив’ и еще одно с колебанием *iz̄in* (*ičin*) — текст № 428 II отдела [Катанов 1907а: 451]), Усть-Таштып (6 примеров без чередования, 2 написания *ičin* — тексты №№ 22 и 36 III отдела [Катанов 1907а: 570, 573]), 1 написание *учумаң* ‘концом’ (от *ус* ‘конец’) — текст № 32 III отдела [Катанов 1907а: 572]), Петров (~ современный аал Печень; 1 случай без чередования *j̄zālān* ‘втроем’ (от *j̄s* ‘три’) — текст № 7 III отдела [Катанов 1907а: 563]), 1 с чередованием *күчү* ‘его сила’ (от *күс* ‘сила’) — там же). В большинстве случаев это формы лексемы *ič* ‘пить’. Возможно, качинский диалект как идиом более влиятельной страты оказывал влияние на речь сагайцев и бельтыров — обратим внимание, что все упомянутые села находятся практически на Аскизском тракте. Вероятно, впоследствии этому процессу помешала начавшаяся вскоре кодификация языка.

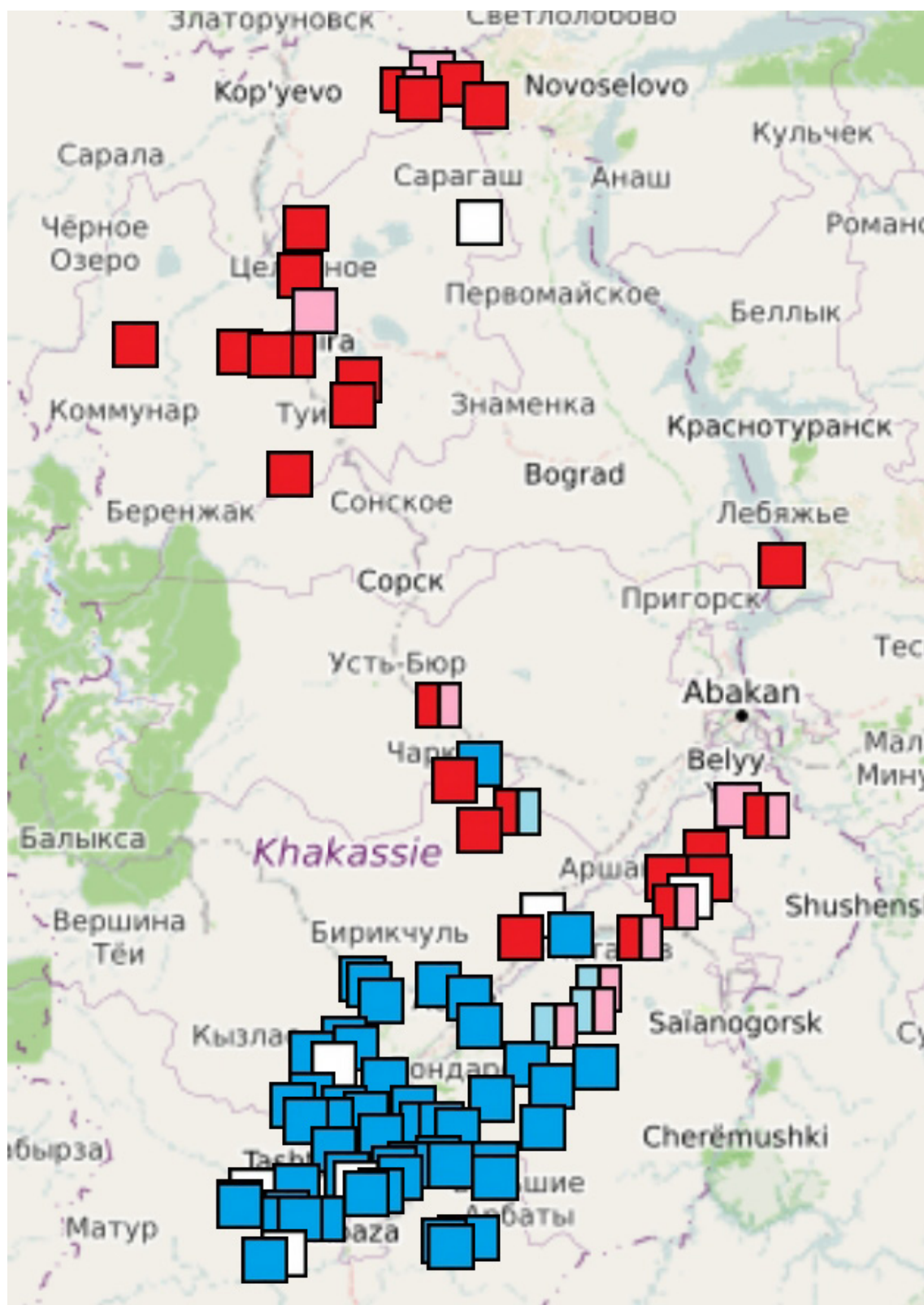
Сопоставление карт 3 и 4 демонстрирует, что современная граница присутствия данного чередования проходит практически там же, где у Н. Ф. Катанова наблюдается граница регулярного чередования — между рр. База (с юга) и Камышта (с севера). В настоящее время севернее этой границы находим системы либо с регулярным чередованием, либо с чередованием в переднерядных основах; южнее чередование отсутствует.

2. Показатели творительного падежа в материалах разного времени

Обратимся теперь к другому сюжету, из области морфологии. Как известно, в хакасских говорах показатель инструментального (творительного, орудийного, орудийно-совместного) падежа представлен довольно большим разнообразием вариантов

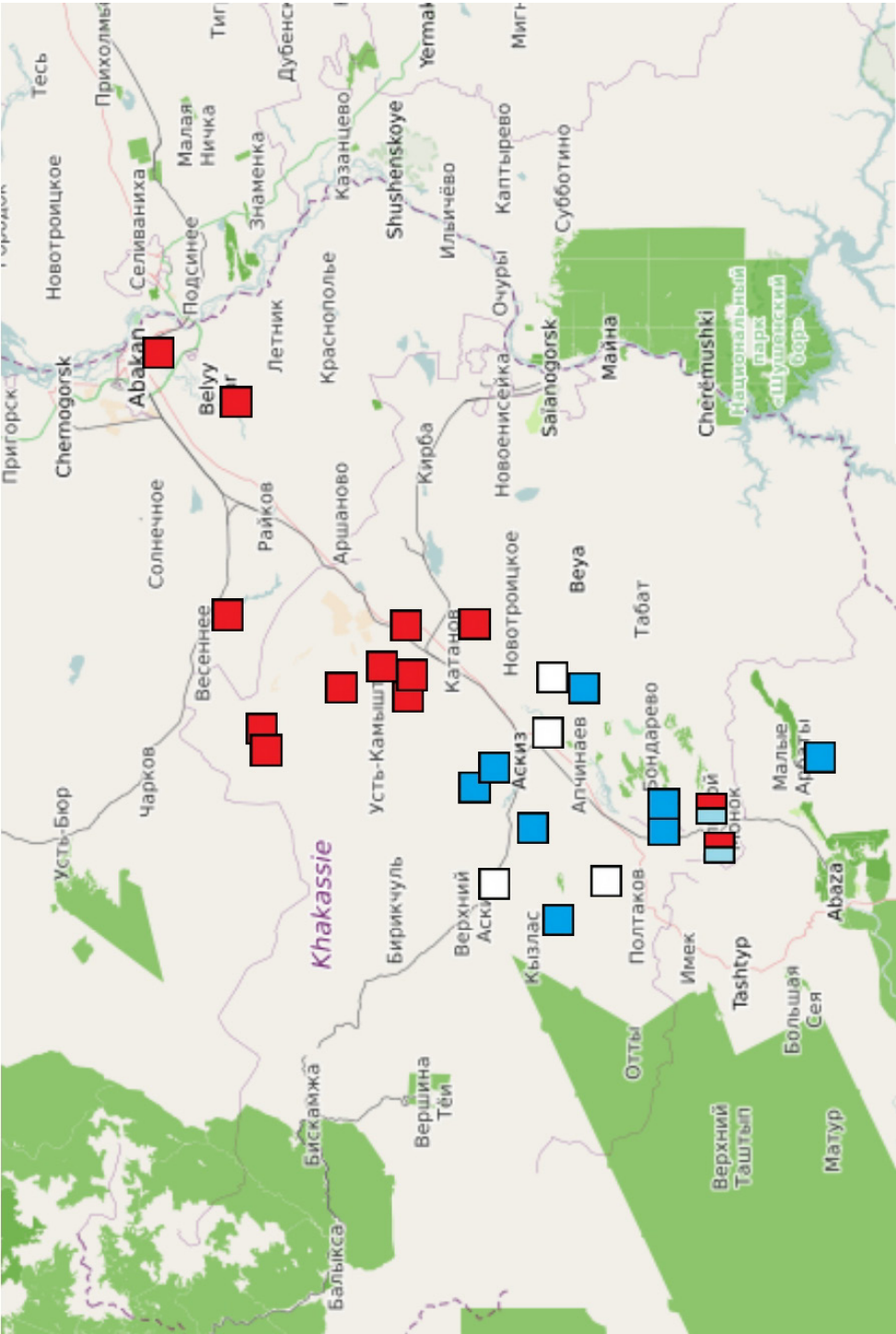
¹ Выше было отмечено, что сам Н. Ф. Катанов определяет диалектную принадлежность текстов как родовую, по сеокам. Тексты, записанные на р. Большой Сыр (~ современный аал Сыры; теперь зона уйбатского качинского), в Тураковом улусе (= современный аал Катанов, в 70-е г. XX в. был зоной распространения абаканского качинского, ныне не обнаружены коренные носители) определены как сагайские, по сеоку носителя, однако по языковым особенностям определяются как качинские. Таким образом, и в конце XIX в. родовые границы могли не совпадать с диалектными.

² Номера страниц, на которых расположены указанные тексты, здесь и далее см. в оглавлении работ.

Карта 3. «Качинское чередование» в современных говорах (обозначения: красный — регулярное чередование, розовый — чередование только в переднерядных основах, голубой — чередование отсутствует, белый — нет данных).

[Fig. 3. Map. 'Khaas alternation' in modern dialects (nomenclature: red — regular alternation, pink — alternation only in the front-vowel bases, blue — no alternation, white — no data)]

Карта 4. «Качинское чередование» в текстах Н. Ф. Катанова (красный — формы с чередованием, голубой — формы без чередования, белый — нет данных)

[Fig. 4. Map. 'Khaas alternation' in Katanov's texts (nomenclature: red — alternation, blue — no alternation, white — no data)]

разного происхождения. В нашей анкете в качестве основного стимула для получения инструментального падежа мы использовали предложение ‘Он рубит мясо топором’, а для значения комитатива (одной из самых частых функций творительного падежа) — ‘Я иду с ребенком в школу’. Литературный показатель инструменталиса имеет всего 2 алломорфа: *-наң* для заднерядных основ и *-нең* для переднерядных¹. Таким образом, литературный вариант формы ‘топором’ выглядит как *палтынаң* (от основы *палты* ‘топор’). Его использует, пожалуй, наименьшее количество носителей диалектов. В центральной зоне хакасского языка (т. е. в качинских говорах южнее г. Абакан и сагайских говорах севернее с. Таштып) в ответах на наши стимулы в основном давали форму с аффиксом *-Даң* с первым дентальным согласным, реализация которого зависит от предшествующего звука: *д* после гласных и неназальных сонантов *р, л, й* (*палтыдаң* ‘топором’, *адайдаң* ‘собакой’, *пүүрдең* ‘волком’), *т* после глухих смычных и щелевых (*пычахтаң* ‘ножом’, *пистең* ‘(с) нами’), *н* после назальных (*хамнаң* ‘(с) шаманом’). Это, собственно говоря, исторически не инструменталис, а исходный падеж (аблатив) в инструментальной функции, ведущий себя по говорам и в литературном языке единообразно в отношении сандхи: *адайдаң* ‘от собаки’, *пистең* ‘от нас’, *хамнаң* ‘от шамана’. Таким образом, в центральных говорах исходный и инструментальный падежи не различаются², а в литературном языке они совпадают для части основ. Носители периферийных говоров (как южных, так и северных) предпочитают в ответах на стимул давать различные варианты аффикса инструментального падежа с первым губ-

ным согласным. Нельзя сказать, что это вызвано непосредственно контактами с близкородственными языками (чулымским с севера и шорским с юга), в которых губной вариант инструменталиса является основным. Варианты инструментального падежа, представленные в этих языках, не полностью совпадают с хакасскими. Таким образом, вероятно, это рефлекс общего праварианта для данной группы языков. В конечном счете все показатели инструменталиса с начальным губным согласным восходит к послелогу **bilen/*birlen* с комитативным значением (см.: [СИГТЯ 1988: 496]).

В отличие от «качинского чередования», за прошедший век картина распространения форм инструментального падежа изменилась сильнее. У Н. Ф. Катанова мы находим два варианта инструменталиса с первым губным согласным. Первый из них, *-БЫнаң*, наблюдается севернее границы «качинского чередования»: в селениях по рр. Камыште, Уйбату, в улусах Шоев, Архипов, а также в сагайском улусе Архипа Чертыкова, как и в предыдущем случае (из Туракова улуса материала по данному вопросу нет). Примеры:

Тегір-бінәң чер.

‘Небо и земля.’

(Отд. II, т. 112³. Камышта, кач. (зап. в улусе Архипа Чертыкова))

... чоңыңны Чок-пынаң тызарбын!

‘Народ твой я усмирю своим словом!’

(Отд. II, т. 266. Улус Шоев, кач.)

іккі кат іккізі-бінәң ойда-түстүләр

‘обе женщины упали на спину’

(Отд. II, т. 127. Улус Архипа Чертыкова, саг.)

*четті кара кизи кезім-мінәң абырчаткан
кизаң полысчаң*

‘7 черных человек приносят пользу человеку, лежащему в горячке’

(Отд. III, т. 66. Улус Усть-Камыштинский, кач.)

Южнее границы «качинского чередования», в сагайских и бельтырских говорах, зафиксирован вариант *-маң* с неизменяемой первой согласной. Примеры:

³ Здесь и далее примеры приводятся по оцифрованной версии [Катанов 1907а; Катанов 1907б] в Электронном корпусе хакасского языка [ЭКХЯ. Корпус литературных текстов. Катанов 1907]: <https://khakas.altai.ru/corpus/texts/#text181> — <https://khakas.altai.ru/corpus/texts/#text188>

¹ Далее мы применяем традиционную для тюркологии морфонологическую запись аффиксов, снимая действие сингармонизма и сандхи: варьирующие гласные и согласные записываем заглавными буквами.

² Согласно [Диалекты 1973: 19–20], в качинском диалекте эти формы творительного и аблатива различаются соответственно безударностью и ударностью аффиксов: *холдаң* ‘руками’, *холдаң* ‘из рук’. В нашем материале это подтверждается для белоюсского и староюсского говоров; современный материал абаканского говора качинского диалекта, как и сагайских говоров, не поддерживает такого противопоставления.

ālärj kammañ ĭc-čā

‘хозяева пьют (водку) вместе с шаманом’

(Отд. III, т. 109. Улус Кызыласов, саг.)

абамаñ када чаткан.

‘и лёг он вместе с медведем’

(Отд. II, т. 591. Дер. Табатская, бельт. (зап.

в с. Аскыс))

кĭк-мăñ сыын

‘коза и сохатый’

(Отд. III, т. 13. Улус Усть-Таштыпский,

саг.)

По-видимому, изоглосса здесь проходит чуть южнее, чем изоглосса «качинского чередования». От информантов, живущих по р. База, материала нет, но в улусе Олтоков (расположенному в низовьях р. Аскиз, что южнее Базы) один информант употребляет северную форму *-БЫнаң*, а другой — южную форму *-наң*:

Peļdā turbañ nes kazyñ Pezĭbĭñāñ teñ-mĭ-nĭ?

‘Стоящие на косогоре 5 берёз равные [ли] друг другу все пять?’

(Отд. II, т. 418. Улус Олтоков, саг.)

Kĭzĭmāñ kырысса, Айна келärij.

‘Если браниться с людьми, то придёт дьявол.’

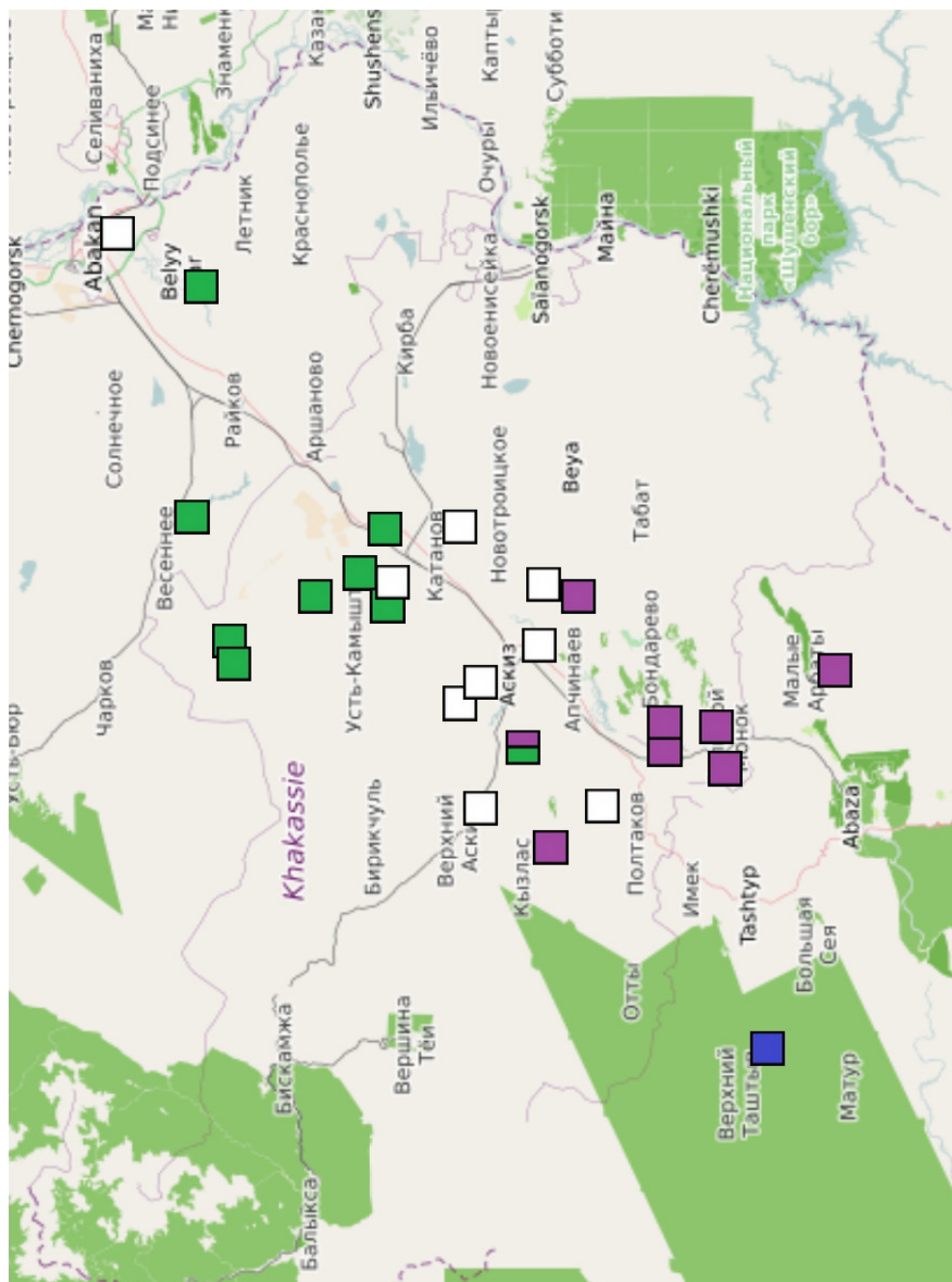
(Отд. II, т. 530. Улус Олтоков, саг.)

Сам Н. Ф. Катанов в очерке, посвященном в основном сагайскому диалекту (но также и другим хакасским диалектам) пишет, что творительный падеж имеет формы *-наң/-нăң*, а также есть варианты *-таң/-тăң* «в словах, оканчивающихся на твердую согласную» [Катанов 2017: 38]. Он также отмечает, что вариант *-наң* распространен в бельтырском наречии, вариант *-БЫнаң* — в койбальском и отчасти в качинском, и есть вариант *-БЫла*, употребляемый «только некоторыми стариками сагайского племени» [Катанов 2017: 38]. Вариант *-Даң* как показатель творительного падежа не указан. Нужно учесть, что это работа была написана в 1882 г., т. е. до экспедиции в Минусинский округ, в ходе которой был собран диалектологический материал.

Как уже было сказано, в настоящее время варианты инструментального падежа с губным начальным согласным полностью ушли из центральной зоны, и в центральных сагайских говорах, и в абаканском и уйбатском качинском употребляются в этой функции только литературный *-наң* и абла-

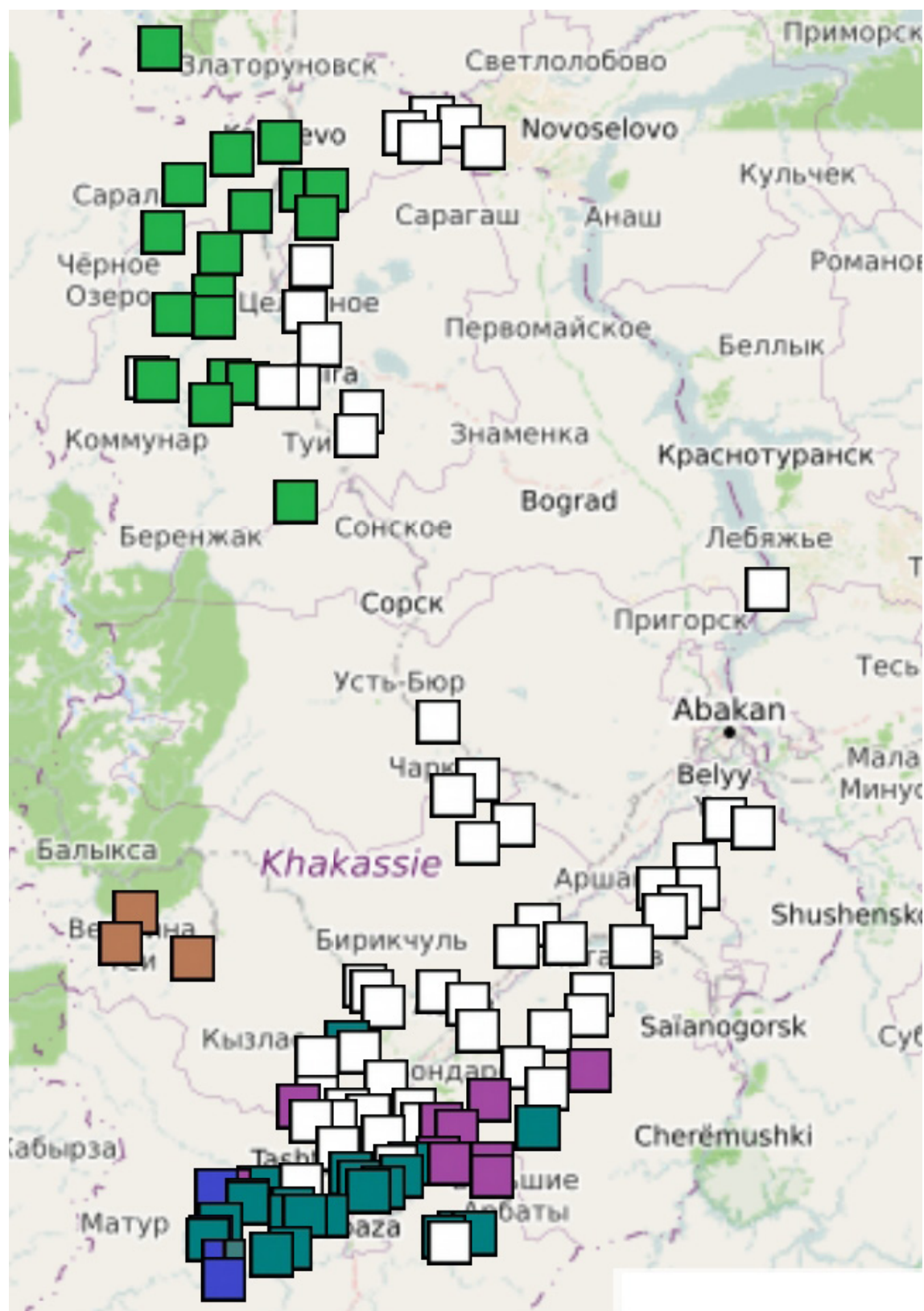
тив *-Даң*. На южной периферии центральной зоны сохранился вариант *-наң*, однако он несколько смещен к северу по сравнению с картой 5 и характерен в основном для северных бельтырских говоров. В устье Таштыпа и южнее наблюдается форма *-БАң* с чередованием начального согласного в зависимости от конца основы (по правилам, аналогичным правилам для начального *Д*, изложенным выше). Таким образом, наиболее часто встречающаяся в шорских, таштыпских, бельтырских и южных сагайских говорах форма ‘топором’ — *палтыбаң* / *малтыбаң* (основа *палты* имеет в диалектах и вариант *малты*). Форма *-БАң*, исходя из здравого смысла, должна быть признана исторически первичной по отношению к форме *-наң*: последняя представляет собой либо результат парадигматической унификации постназального алломорфа *-БАң*, либо результат регрессивной дистантной ассимиляции (так же должна, видимо, объясняться форма инструменталиса *-наң* из аблатива *-Даң*)¹. В обоих случаях продвижение *-БАң* на север невозможно объяснить диахроническим процессом обратной направленности в языке, и приходится предположить явление языкового сдвига или передвижение населения. В шорском диалекте хакасского некоторые носители используют вариант *-Блаң* (т. е. на вопрос ‘топором’ дают форму *малтыблаң*), однако этот вариант не встречается как единственный возможный в речи информанта. Скорее всего, это поздняя синтагма с продолжающим функционировать в шорском диалекте хакасского языка послелогом *биле, ниле* — см. [ГХЯ 1975: 7]). Редко встречающийся вариант *-БА* не является развитием *-БАң* — он зафиксирован в речи шорских переселенцев первого-второго поколений, представляя собой шорское заимствование. На севере же, в кызыльских говорах, широко распространен вариант *-мнаң* без изменения начального согласного (кыз. ‘топором’ — *палтымнаң*). Очевидно,

¹ Обычно показатель *-наң* возводят к тому же послелогу **bilen/*birlen*, что и губные показатели, см., например, [Боргояков 1976: 104], однако, по фонетическим соображениям, это сомнительно. Происхождение и развитие этого показателя в хакасском и его диалектах — тема отдельного исследования; данные, приведенные в [Боргояков 1976], в значительной степени могут быть дополнены нашим полевым материалом.

Карта 5. Губные варианты инструментального падежа у Н. Ф. Катанова (зеленый — села с вариантом {БЫнАн}, пурпурный — с вариантом {мАн}, синий — с вариантом {БЫлА}, белый — нет данных)

[Fig. 5. Map. Labial variants of the instrumental in Katanov's texts (nomenclature: green — villages characterized by pattern {БЫНАН}, magenta — {МАН}, blue — {БЫЛАН}, white — no data)]

Карта 6. Губные варианты инструментального падежа по данным экспедиций (синий — {BlAŋ}; зеленый — {mnAŋ}; бирюзовый — {BAŋ}; пурпурный — {mAŋ}; коричневый — {BA}; белый — губные варианты не встречаются)

[Fig. 6. Map. Labial variants of the instrumental by field data (dark blue — {BlAŋ}; green — {mnAŋ}; cyan — {BAŋ}; magenta — {mAŋ}; brown — {BA}; white — bilabial variants are absent)]

что эта форма восходит к форме *-БЫнаң* с выпадением узкого гласного и регрессивной ассимиляцией в сочетании *Бн*. Собственно форма *-БЫнаң* в наших материалах практически отсутствует, эпизодически появляясь в речи информантов из разных мест и не являясь при этом основной формой. Однако еще в книге [Патачакова 1995: 22] она считается качинским вариантом «орудийного падежа», иногда употребляемым кызыльцами; основным вариантом в кызыльском считается *-мнаң*. Интересно, что в работе [Доможаков 1948: 10] в качестве основных вариантов орудийного падежа в кызыльском диалекте указываются аффиксы *-Б(Ы)ла* и *-маң*, — т. е. почти те же, что сейчас мы наблюдаем в противоположном конце Хакасии, в шорском и бельтырском диалектах. Однако в [Joki 1953: 17], описывающем состояние того же времени, определено основным кызыльским вариантом считается *-тпаң*.

Источники

ЭКХЯ — Общее [электронный ресурс] // Электронный корпус хакасского языка. URL: <https://khakas.altai.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).

Литература

- Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953 — Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1953. 360 с.
- Боргояков 1976 — Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1976. 160 с.
- ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка / ред. Н. А. Баскаков. М.: Наука. 1975. 418 с.
- Диалекты 1973 — Диалекты хакасского языка / ред. Д. Ф. Патачакова. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1973. 160 с.
- Доможаков 1948 — Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 1948. 180 с.
- Дыбо 2015 — Дыбо А. В. О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. № 1. С. 5–20.
- Дыбо и др. 2020 — Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В. Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шор-

Выводы

Мы видим небольшие изменения в территориальном распространении нескольких диалектных явлений за период с конца XIX в. до начала XX в. Эти изменения носят такой характер, что вряд ли могут быть объяснены регулярными фонетическими процессами, произошедшими за этот период: это либо морфонологические процессы (аналогические: устранение чередований, унификация алломорфа), либо связанные со сдвигами населения (как появление в центральной зоне показателя *-Баң*). Конечно, для более обоснованных выводов необходимо сначала включить в корпус материалы из [Радлов 1868]. Предварительный просмотр этого издания позволяет заметить в качинско-кызыльской зоне биения типа *азакпынаң ~ азак-мынаң* ‘ногой’, но статистика данного явления и его точное распространение по говорам пока недоступны.

Sources

Online Khakas Corpus. Available at: <https://khakas.altai.ru/> (accessed: September 20, 2021). (In Khak.)

- ско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков)» // Родной язык. 2020. № 1. С. 86–119.
- Катанов 1907а — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб: Тип. Акад. наук, 1907. 668 с.
- Катанов 1907б — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Перевод. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. 659 с.
- Катанов 2017 — Катанов Н. Ф. Татарский (хакасский) язык (сагайское наречие (диалект)). Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). Абакан: Бригантина, 2017. 130 с.
- Мальцева 2021 — Мальцева В. С. Шорские тексты, собранные Н. Ф. Катановым от выходца из села Анчул // Российская тюркология. 2021. № 1–2 (30–31). С. 144–149.
- Патачакова 1995 — Патачакова Д. Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк): пособ. для учителя. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1995. 55 с.

- Радлов 1868 — Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, изданные В. Радловым. Часть II. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). СПб.: Тип. Акад. наук, 1868. 710 с.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Dybo et al. 2019 — *Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E.* The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019. № 32(2). Pp. 31–48.
- Joki 1953 — *Joki J.* Aulis. Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache (Studia Orientalia, XIX: 1.) Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1953. 50 S.
- Pritsak 1959 — *Pritsak O.* Das Abakan- und Čulymtürkisch und das Schorische // *Philologiae turcicae fundamenta* (Deny Jean, Kaare Gronbech, Helmuth Scheel (eds.)). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. S. 598–639.
- References**
- Baskakov N. A. (ed.) *Khakas Grammar*. Moscow: Nauka. 1975. 418 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A., Inkizhekova-Grekul A. I. *Khakas-Russian Dictionary*. Moscow: State Publ. House of National Dictionaries, 1953. 360 p. (In Khak. and Russ.)
- Borgoyakov M. I. Development of Khakas Case Forms and Their Meanings. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1976. 160 p. (In Russ.)
- Domozhakov N. G. A Description of Kyzyl Khakas. Cand. Sc. (philology) thesis. Abakan, 1948. 180 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. On 'primary' lengths in Turkic languages. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–20. (In Russ.)
- Dybo A. V., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovich A. V. A dialectological questionnaire for a pilot study on isoglosses in the Turkic 'Z' group spoken in the Khakas-Shor-Chulym area. *Rodnoy Yazyk*. 2020. No. 1. Pp. 86–119. (In Russ.)
- Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*. 2019. No. 23 (2). Pp. 31–48. (In Eng.)
- Joki A. J. *Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache* (Studia Orientalia, XIX: 1.) Helsinki: Finno-Ugric Society, 1953. 50 p. (In Khak. and Germ.)
- Katanov N. F. (comp.) *Samples of Turkic Folk Literature*. V. Radlov (ed.). Vol. IX: Uriankhai (Soyot), Abakan Tatar and Karagas Dialects. N. Katanov (transl.). St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1907. 668 p. (In Ur., Tat. and Kar.)
- Katanov N. F. (comp.) *Samples of Turkic Folk Literature*. V. Radlov (ed.). Vol. IX: Uriankhai (Soyot), Abakan Tatar and Karagas Dialects. N. Katanov (transl.). Translations. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1907. 659 p. (In Ur., Tat. and Kar.)
- Katanov N. F. *Tatar (Khakas) Language (Sagay Dialect)*. Part I: Grammar (Etymology and Syntax). Abakan: Brigantina, 2017. 130 p. (In Russ.)
- Maltseva V. S. Texts in Shor collected by N.F. Katanov from a man born in the village of Ahchul. *Russian Turkology*. 2021. No. 1–2 (30–31). Pp. 144–149. (In Russ.)
- Patachakova D. F. (ed.) *Khakas Dialects*. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1973. 160 p. (In Russ.)
- Patachakova D. F. *Kyzyl Khakas: A Brief Essay*. Teacher's guide. Abakan: Khakas Research Institute of Language, Literature and History, 1995. 55 p. (In Russ.)
- Pritsak O. Das Abakan- und Čulymtürkisch und das Schorische. In: Jean D., Gronbech K., Scheel H. (eds.) *Philologiae turcicae fundamenta*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. Pp. 598–639. (In Germ.)
- Radloff V. (ed.) *Samples of Turkic Folk Literature: Southern Siberia and Dzungar Steppe*. Part II: Abakan (Sagay, Koibal, Khaas), Kyzyl and Chulym Subdialects. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1868. 710 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) *A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Morphology*. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russ.)

